

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV Buenos Aires sabado, 20 de agosto de 1983

Буэнос Айрес, суббота 20 августа 1983

№ 1726

АНАТОЛИЙ БОР

ПОЭТ О САМОДЕРЖАВИИ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО

Объясняя идею монархии Иван Солоневич сослался на монарха русской поэзии: “Основная, самая основная идея русской монархии ярче и короче всего выражена А. С. Пушкиным — уже почти перед концом его жизни: “Должен быть один человек стоящий выше всего, выше даже закона” (И. Л. Солоневич. “Народная Монархия” стр. 84).

Но каким образом *один* человек может стать верховной властью для того народа, к которому он сам принадлежит, и который во столько же раз сильнее всякой отдельной личности, во сколько миллионы больше единицы? — спрашивает Л. А. Тихомиров и дает предельно ясный ответ; — это может быть произведено только влиянием религиозного начала, — тем фактом или презумпцией, что монарх является представителем какой-то высшей силы, против которой ничтожны миллионы человеческих существ. Участие религиозного начала безусловно необходимо для существования монархии, как государственной верховной власти (Л. А. Тихомиров. “Монархическая государственность” стр.78).

Это религиозное начало монархии глубже и яснее других объяснил поэт В. А. Жуковский: “Любовь к самодержавию и чувство спасительности самодержавия вкоренилось в русский народ в те времена междоусобий и татарского ига, в который одна только Церковь была независима и говорила одним общим, для всех слышным и для всех ободряющим, языком. А что говорила Церковь? Она проповедовала верность царям и основывалась на том, что сия верность есть устав Божий, и это тем было неопровержимее, что в сей верности заключалась тогда единственно возможная безопасность личная и независимость общая.”

В чем же состоит сущность самодержавия? Василий Андреевич дает такой исчерпывающий и этимологически подчеркнутый ответ: “Самодержавие есть высшая и самая простая форма верховной власти, если оно соответствует смыслу своего имени. Сам держу и самого себя держу. Надобно, чтобы власть была под командою воли, подвластной Правде всевышней. Власть: сам держу. Воля: самого себя держу. Самодержавие и то и другое вместе. Одна власть или одна воля — нет самодержавия. Власть без воли — уродливое самовластие, восточный деспотизм, опирающийся на фатализм; воля без власти — невозможность властвовать.

Власть, руководимая богоподвластною волею — самодержавие во всей чистоте его и во всей благово-

рительной силе”.

Поэт В. А. Жуковский пишет прозой, но эта проза дышет воистину огнем и жаром мистической поэзии: “Принимать свою волю за высшую волю есть святотатство; произвол есть нарушение Божией правды и самый опасный враг власти самодержавной, которая в своей чистоте есть высочайшее достоинство, какое только может иметь на земле человек смертный. Смирение христианское есть венец самодержавия; оно должно быть святейшею добродете-

цию смертных казней в России с 1826 г. по 1906г.. За 80 лет царствования четырех императоров — Николая Первого, Александра Второго, Александра Третьего и Николая Второго — было присуждено к смертной казни 1630 человек, а казнено благодаря помилованиям на 23 % меньше.

В 1907 году в Москве оппозиционно настроенные к самодержавию авторы выпустили книгу “Против смертной казни”. Они-то и сообщили эти цифры как “обличительные”. Однако эти данные, как раз и говорят о

“Недопонимание” иностранцами характера русского самодержавия В. А. Жуковским были освещены с поразительной ясностью: “Покорность самодержцу есть благоговение пред святынею, которой поклонялись отцы и деды, отвлеченно от самого лица самодержца. Восточный деспотизм совсем не то, что историческое русское самодержавие. Восточные рабствующие народы не имеют понятия о святыне царской власти: их покорность есть предание себя железной необходимости. Один только русский народ понимает самодержавие... Иностранцы, судящие это народное чувство русского народа по своему собственному, им свойственному, по тому самому не могут его постигнуть; и даже нельзя его им сделать понятным, хотя бы и призвав в свидетельство историю”.

Почти полтора столетия тому назад зоркий поэт разглядел порок демократии: “В государстве демократическом чувствуешь себя так же стесненным; там власть не на троне, а на улице, не в порфире, а в лохмотьях; властвует не один, а толпа; там личная свобода ограждена законом, но подчиненная верховной власти, не признает в толпе ни закона, ни власти”.

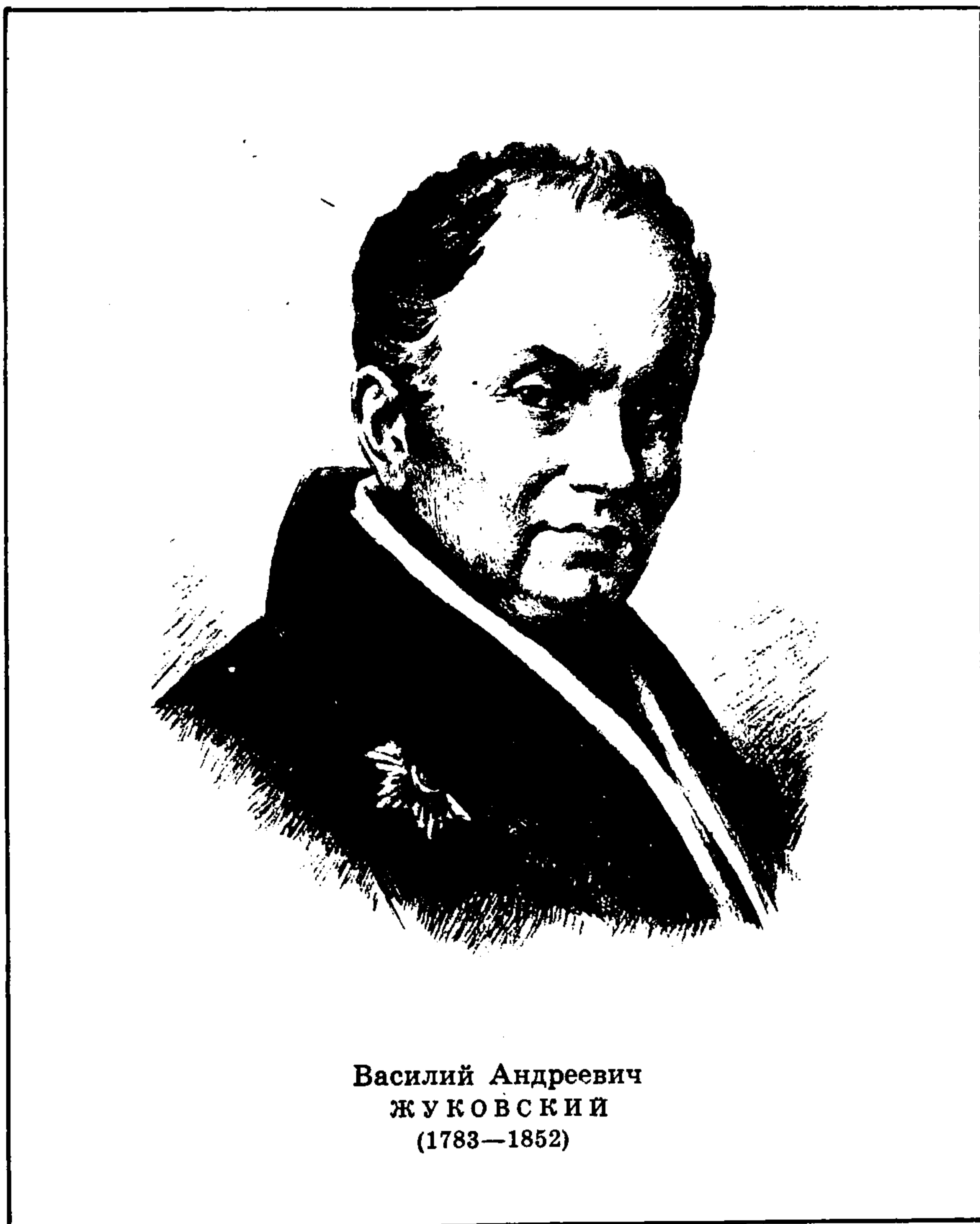
Поэтому идеал государственного правления В. А. Жуковский видит в самодержавии: только в нем спасение от смертоносных бурь.

“Самодержавие — в истинном смысле — можно сравнить с благомысленным капитаном корабля, который, будучи полным властителем своего судна (без чего не может быть никакого безопасного плавания), сам покоряет свои действия указаниям компаса, картам и звездам небесным; они ведут корабль через пустыню моря, спасают его от мелей и подводных камней и хранят его в бурю: все корабельные люди безусловно и с доверенностью подчиняют себя путеводной власти, которая действует спасительно, без произвола, руководствуясь верным законом... Самодержавие есть форма державной власти самая ближайшая к власти Божией, из которой всякая власть истекает”.

И еще: “Самодержавие — высшая земная власть, истекая из божественной, ею одной ограничена и потому самому должна на земле иметь божественное свойство — должна быть на земле Божиею правдою, совершением Божией воли, а не земной, человеческой”.

Таков, далеко не полный, перечень мыслей поэта В. А. Жуковского о самой идеальной форме правления — самодержавии.

АНАТОЛИЙ БОР

Василий Андреевич
ЖУКОВСКИЙ
(1783—1852)

лю самодержца, понеже между христианами он должен занимать ближайшее место к Богу Спасителю. Но, представляя Бога, он не есть Бог, а только самый могущественный исполнитель Божией воли, то есть Божией правды”.

Все эти мысли поэта В. А. Жуковского хорошо понятны для монархистов могут показаться однако утопичными для инакомыслящих. Для этих скептиков нам бы хотелось привести статистическую иллюстра-

том, что русские монархи были самыми гуманными правителями в мире.

И тайна этой гуманности В. А. Жуковским разгадана: “Правда, правда, Божия правда — и более ничего. Вот тайна верховной власти и самое легкое средство властвовать: умей только во время, не обманывая себя никакими софизмами, верующим, полным страха Божия сердцем применять Божию правду к делам человека”.

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

ТЕРРОР, ТЕРРОР, ТЕРРОР

ПУТИ РЕВОЛЮЦИИ ВСЕГДА ОДНИ И ТЕ ЖЕ

В пятом номере советского журнала "Новый Мир" напечатана замечательная повесть Александра Проханова: "В островах охотник... Кампучийская хроника".

Главное достоинство повести в том, что автор ярко и точно пишет о неизбежных жертвах для нации и народа, которые приносит революция. Герой хроники, от имени которого она написана, Кириллов — ученый историк и поэтому его обобщения событий убедительны.

Специалист по Юго-Восточной Азии, знающий местный язык, Кириллов с женой приехал изучать положение в Кампучии (Камбодже), чтобы потом напечатать свои наблюдения и выводы в научном журнале. Первая стадия революции в стране уже совершилась; ее сделали "Красные кхмеры", а теперь идет гражданская война между "Красными кхмерами" и кхмерами поддерживаемыми вьетнамцами. Живет он с женой в разоренном городе — Пномпень. "Кириллов старался понять мотивы убийства цветущего города... Пномпень был разрушен не бомбовыми ударами чужой авиации, не ненавистью чужеземцев, а усилиями самих кампучийцев. Одержимые фанатической "крестьянской", "деревенской" идеей, ненавидя цивилизацию, машины, всех, кто стоял у станков, сидел в аудиториях, держал перо и кисть, колонны "кхмеров руж" входили в покоренный город. *Заранее в лесах, в период партизанской борьбы, политическая верхушка планировала избивание госаппарата, военных, университетских и банковских служащих, инженеров, врачей, бонз — всего, что составляло опору культуры...* Кампучия была жертвой "пещерного режима", спровоцированного в недрах революционного, меняющего мир обновления... Он знал: мир во всей своей полноте сдвинут с былых основ, охвачен мучительной перестройкой и ломкой... Он верил: это медленно возводимое здание встанет в грядущем мире. Но любой просчет, любая деформация плана, любая злая диверсия оборачивается крушением конструкций, обвалом возводимого свода. Он (Кириллов) склонен был объяснять катастрофу страны и народа невежеством торопливых политиканов... *Происшедшее не гнездило исключительно в истории кхмеров, лишь имело свою в ней метафору...*

По теории Маркса — "Весь мир насильно мы разрушим до основания, а затем: мы наш, мы новый мир построим..."

Путешествуя по Кампучии, Кириллов видел следы былого благополучия страны: участки хорошей земли, когда-то дававшие по три урожая риса в год — заброшены; разбитые асфальтовые дороги, помнившие лимузины, суристов и богачей; полуразрушенные отели где теперь не было воды и электричества; разрушенные радио-установки, монастыри, храмы и т. п. "И теперь он, Кириллов, двигался в желобе людской беды и несчастья упавшие на эти плодородные, красивые земли... По этим дорогам вместе с метущимся, сорванным катастрофой народом". Подъехали к группе крестьян выкапывающих какие-то плоды из земли. Оказывается это были не плоды, а черепа убитых революционерами — сотни черепов. "За что (убили)? — спросил Кириллов". "Ни за что. На всех не хватало еды..." И еще. Вспоминает председатель беседовавший

с Кирилловым: "В нашем селе раньше было пять тысяч жителей. При Пол Поте всех погнали на север, в болота, в джунгли. Не позволили взять с собой ни скот, ни одежду. Разлучили семьи, отделили мужчин от женщин, жен от мужей и два года мы валили деревья, вырывали вручную пни, пахали землю, впрягаясь вместо волов... Мы думали у нас станет больше земли мы перестанем платить налоги, но нас выгнали из наших деревень, переселили на болота и сказали, что мы теперь "ударная бригада".

Дальше проходили мимо взорванной пагоды. "Они ворвались сюда и перебили монахов, — говорил председатель, тихо кивая на пагоду, чью позолоту, лазурь, опрокинутые в траву, чтит еще его прадед — здесь раньше жило сорок бонз. Теперь у нас только один..." "Почему же, как вы полагаете, почему такая ненависть к монастырям и монахам?" — "В монастырях скопились ценности нашей древней культуры. Пол Пот использовал пагоды как тюрьмы и места уничтожения людей. Святыни были превращены в темницы и места казней. Людям говорили: "Монахи — это трупы. Кто хочет поклоняться, пусть идет к трупам".

Совпадение с нашими революционными событиями удивительное: уничтожение корней национальной культуры, монастырей и церквей, даже распродажа церковных ценностей за границу; разорение деревни и посылка крестьян в джунгли корчевать ручную пни и т. д. и т. п. и, даже уничтожение "лишних ртов" как когда-то у нас послали на голодную смерть беспризорников в лагерь. Почему эту повесть допустили напечатать? Напомнить и напугать русских, что может принести новая, противобольшевицкая революция? Или потому, что Проханов описывает страну разоренную красными кхмерами, то есть коммунистами китайского толка, и Кириллов теперь наблюдает борьбу и строительство страны коммунистами вьетнамского (советского) образца? Он описывает их как героев!

Если второе предположение верно, то вероятно, советские редакторы журнала надеются, что русские помнящие революцию Ленина-Троцкого-Сталина почти вымерли, а следующие, теперь живущие поколения, параллели не заметят.

Кириллов, живя в жаркой, разоренной Кампучии, мечтает о возвращении на родину. Повествование о Кампучии часто прерывается лирическими отступлениями — воспоминаниями о жизни дома. Какие же радостные воспоминания являются сорокалетнему Кириллову, родившемуся через двадцать лет после русской революции? И тут проявляется, что кроме родной природы и климата — зима фигурирует во всех его воспоминаниях — мало радостного и счастливого, даже мирного, было в его жизни, как и в жизни его народа. Убогое студенческое житье, непосильная работа на целине во время аспирантуры, война, потом житье в коммунальной квартире; и только одна радость, одно счастье — любовь к жене.

Интересно какой он вспоминает родину. Вот он едет в деревню: "Грузовик выскочил из лесу на гору, и он вдруг вознесся над огромной родной предвечной далью, где мерцали в заре деревни, белели колоколь-

ни, стояли над речками вербы..." Удивительно, где это он увидел даль с белыми колокольнями? Даже где еще и остались полуразрушенные церкви, колокольни-то снесли в первую очередь, их нельзя было приспособить под что либо "полезное". Даже у Собора на Нерли разрушили колокольню! Где же они уцелели в деревнях? А вот русский вспоминает родину с церквями, красивой! В другом месте Кириллов опять мечтает: "И будет май в Москве, сирень на площади Большого Театра и в толпе родные, усталые лица москвичей. Он будет толкаться среди них, опускаться в метро, выныривать то у "Росси", у золотых церквей, то у Красных ворот с мерцающим в сумерках виражем Садовой..." Радует его сердце вспоминая "изумительную, не-

исчезнувшую за эти годы деревенскую речь" и народные песни какие они с женой и тетей Полей пели в ее деревенской избе. Особенно одну, его любимую: "В островах охотник целый день гуляет, если неудача, сам себя ругает..."

Еще замечательна эта повесть тем, что написана прекрасным современным русским языком. Такой красивый, выразительный, безо всяких шаблонов и вставок иностранных слов язык встречается теперь, к сожалению, чрезвычайно редко.

Прочитав книгу, создается впечатление, что революция — болезнь нации с определенными, для всех одинаковыми симптомами. Вроде как раковая опухоль!

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

Д. ИНОЗЕМОВ

По советской печати

"Талант, не обеспеченный и не проверенный опытом, есть всего лишь заявка на беспорочное служение". Забавно смещение архаичного языка с "советским". Но благородство и моральная глубина мысли — налицо. И предупреждение талантам...

Не откажу себе в удовольствии процитировать: "Нынешнему искусству приходится вновь и вновь зондировать сферу исходных, вековых основ людского общежития, в частности, потому, что самые кровавые полицейские режимы XX столетия как раз отсюда и начинают — с отрицания нравственных и духовных основ"... "Он пишет историю современника, который побывал, можно сказать, по ту сторону разумного мира, испытал на себе гнет узаконенного, торжествующего абсурда и теперь болезненно бдителен к любому разрушению смысла". Пишется о гитлеровской Германии. Параллели предоставляется провести читателю.

Периодические издания пестрят нерусскими именами. Главным образом, в поэзии. И звучат эти произведения (далеко не все, конечно) — симфонией. Не только когда Раим Фархад (Узбекистан) сочиняет стихи об Ахматовой, а Равиль Бухараев пишет: "живу, пишу и думаю по-русски". (Таких — немало. Чем Булат Окуджава не русский?) Но и те, кого читаю в переводе, вносят свой самобытный цвет и аромат в симфонию всероссийскую.

Доктора биологических наук А. Маленков и И. Колотыгина разбирают интереснейшую тему соответствия древних языковых оборотов и древнего знания новооткрытиям в разных областях науки: "Пошевелим мозгами. Каждый не раз слышал этот не слишком вежливый, но в общем-то дружелюбный призыв мыслить. Недавно японские нейрофизиологи, применив изошренную технику эксперимента — введя прямо в мозг тончайшие световоды, — воочию увидели, что нервные клетки действительно "шевелиются", то есть совершают движение наподобие амёб. Эти движения усиливаются в период интенсивной деятельности мозга. Так что выражение "шевелить мозгами" имеет буквальный смысл. Случайно ли устойчивый оборот образной разговорной речи точно отразил суц-

ность явления, глубоко скрытого от невооруженного взгляда, или же такое совпадение закономерно? На первый взгляд такая постановка вопроса звучит не более чем шуткой. Но в начале девятнадцатого века никто, кроме Шлимана, не верил, что в "Илиаде" Гомера точно указано местоположение Трои. Та же история повторилась при поисках Ниневии Лейардом, который под одним из ничем не примечательных холмов Месопотамии в точном соответствии с библейской версией нашел руины этой столицы Ассирийской державы. В обоих случаях буквальное прочтение, кажущееся первоначально наивным и даже нелепым, приводило к весьма плодотворным научным результатам".

Дальше: "Это поразило его до глубины души. Сознать в глубине души (душа, оказывается, имеет объем!). Большая душа. Широкая душа. Сомнение закралось в душу (то есть душа больше "по объему" отдельного чувства, мысли). Душа поет. Что-то непонятное творилось в его душе. В душе он осознал. Душевное движение. В душевном порыве. Полет души. — Нам предстоит еще понять точный смысл этих выражений. Пока лишь ясно, что они характеризуют различные состояния психики".

Далее следует необходимый поклон в сторону материализма. Однако: "О многих сложных и высоких явлениях природы и человеческой психики — таких, как память, мысль, любовь, — трудно или невозможно получить сведения привычными методами естественных наук, в которых царит число, численная мера" (От себя добавим: и материализм). Тут явно требуются иные подходы, ближе стоящие к художественному творчеству"... "Обороты разговорной речи могут дать полезную пищу для размышления и в обширной области физиологических наук. В сердце екнуло. Каким процессам это соответствует? Душа ушла в пятки. Сидит в печенках. Дыхание сперло. Защемило в груди. Каждому из этих выражений наверняка соответствует конкретный физиологический механизм, а сами выражения фиксируют явления, которым надо искать объяснения".

Размеры газеты не позволяют привести больше цитат из этой интереснейшей статьи, где в заключении говорится: "Вторжение в научный язык массы специальных терминов, особенно тех, что являются "кальками" с английского, подчас созда-

ЛЮДМИЛА КЕЛЕФ

СОВЕТСКИЙ ШПИОНАЖ И РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ

Станислав Левченко с 1975 до 1979 года был агентом КГБ в Японии. В октябре 1979 года он стал невозвращенцем, получив политическое убежище в Соединенных Штатах. Его история крайне интересна и поучительна именно для нас, русских. Американская печать, находящаяся в определенных руках, мало и глухо сообщала об этом незаурядном перебежчике. Но журнал "Ридерс Дайджест" (июнь 1983 г.) поместил о нем обстоятельную статью, из которой и почерпнуты дальнейшие сведения.

Левченко получил прекрасное образование в Москве, где он учился с 9-летнего возраста в специальной школе, в которой главные предметы преподавались на английском языке. Образование он продолжал в Московском университете, где изучал японский язык. По окончании университета он работал во флоте, допрашивая японских моряков, по ошибке попавших в советские воды. Несколько раз его посылали в Японию для пополнения знаний.

Левченко стал сотрудником *Нового Времени*; его статьи часто передавали по московскому радио. В эту пору им заинтересовались "органы". Его подвергли всевозможным испытаниям, после чего он стал сотрудником КГБ. Однако, проверка продолжалась и после этого: за ним следили, подслушивали телефонные разговоры, подосланные провокаторы затевали с ним политические разговоры, критикуя советский режим. По прошествии некоторого времени, КГБ решило послать его в Японию. Это было чрезвычайно важное назначение; дело шло не только об этой стране: здесь КГБ узнавало о новинках американской технологии. Но перед засылкой в Японию Левченко должен был пройти специальную школу в окрестностях Москвы. Эта школа напоминала тюрьму. Ее окружала высокая стена с колючей проволокой. При школе были специальные погреба для стрельбы. Преподавание велось шесть дней в неделю по

восемь часов в день. Большое внимание обращалось на гимнастику, плавание и борьбу. Имена обучаемых никогда не назывались: им давали клички.

Через год выпускников перевели в Москву, где их стали обучать практике шпионажа. Окончательная проверка заключалась в том, что надо было заметить агентов, следовавших за обучаемыми. Кто этого не мог сделать, не выдерживал испытания. Левченко успешно закончил обучение и был назначен и дальше сотрудничать в *Новом Времени* до отправки в Японию.

В свой последний вечер в Москве он пошел в церковь. Для этого он употребил следующий трюк. Он спросил сыщика, наблюдавшего за входом в церковь из автомобиля, не видел ли он человека в сером пальто и каракулевой шапке входящего в церковь и показал свое служебное удостоверение. Несмотря на отрицательный ответ агента, он вошел в церковь под предлогом прощания. Это был его секрет, никто не подозревал, что Левченко верующий и даже иногда посещает церковь. Даже всеведущее КГБ не знало об этом, так как он всегда соблюдал величайшую осторожность при посещении храмов.

Левченко не только верил в Бога, но и начал понимать, что советский режим и величайшее зло, которое держит русский народ в рабстве. К этому убеждению он пришел, читая книги, которые ему давал отец, по профессии химик. Читая книги царского времени, Левченко узнал многое про историю России, про дореволюционную жизнь, про достижения русской культуры. Он узнал, что русские композиторы, ученые и другие выдающиеся люди много дали всему миру. Таким образом он стал патриотом. От отца и старших друзей он узнал о терроре сталинского времени, о чистках, о массовой ликвидации русской интеллигенции.

После смерти отца, Левченко женился на девушке, которую он знал

мира. Очевидно, что поэтическое воспитание, язык поэзии обладают огромной емкостью, точностью, на многие порядки превосходящие емкостью и точностью сухого терминологического языка науки".

Концепции этой статьи оказались так свежи, так неожиданно обширны и в диалектике никак не вмещающиеся, что тут же два ортодокса разразились ограничивающими, критикующими, ошпыливающими отповедями.

Явление в подсоветской научной литературе повсеместное: в самых разнообразных исследованиях ученые доходят до умозаключений, после которых нехватает только Бога и Божественное Провидение огласить. Это — в физике, бионике, биологии, математике, не говоря об генетике и астрономии. Вместо логического завершения ставят многоточие: автору нужно же, чтобы напечатать. И жить тоже нужно. А последнюю фразу привычный читатель допишет сам, иногда вместо несурзальной, содержанием никак не обусловленной, даже содержание перечеркивающей концовки.

Д. ИНОЗЕЛОВ

по университету. Ее отец был членом Академии наук; от него Левченко узнал, что многие его старые партийные товарищи, которые боролись против царского режима, были потом отправлены в советские лагеря. Он старался себя убедить, что эти времена прошли вместе со смертью тирана, что при Хрущеве многое будет исправлено. Но он был слишком умным человеком, чтобы не понимать, что он живет в царстве лжи и притворства.

Служа в КГБ, Левченко узнал, что большинство слухов о заключении диссидентов в психиатрические лечебницы — правда. Это облегчало работу КГБ: вместо суда, обвиняемых помещали в сумасшедшие дома, где многие погибали при помощи применяемых сильных средств.

В начале его обязанности заключались в приеме иностранцев. Он возил их на специальные фабрики и колхозы, школы и больницы. Так распространялась дезинформация о распристращенном: посетителям отнюдь не показывали рядовые колхозы, где на полях валялись ржавеющие машины, или фабрики, где работа стояла за неимением материала или частей для починки машин.

К моменту перевода на работу в Японию, у Левченко сложилось убеждение, что большевицкая революция породила чудовище. В результате он все больше укреплялся в своих религиозных убеждениях и надеялся, что вера в Бога когда-нибудь спасет его несчастный народ.

Перед отъездом в Токио, у него был разговор "по душам" с полковником КГБ, который предупредил его об американской разведке, но еще больше — о некоем полковнике Пронникове в Токио. Предупреждение было не лишним: Пронников оказался величайшим интриганом, опасным сослуживцем.

Очень интересны сведения Левченко о доме КГБ в Токио: оказалось, что у этого здания двойные стены, между которыми встроена электронная аппаратура, которая не позволяла подслушивать снаружи телефонные разговоры и передачи по телеграфу. Такие дома существуют и в других странах. Советская технология, промышленность и сельское хозяйство далеко отстали от Запада, но все лучшие достижения используются для целей шпионажа или для военных нужд.

В Японии Левченко познакомился со многими японцами, которые даже не подозревали, что их используют в целях шпионажа. Многие из них так запутывались в сетях чекистских интриг, что не могли отказаться от дальнейшего сотрудничества, так как в таком случае КГБ могло совершенно разрушить их карьеру и жизнь.

Левченко удалось завязать сношения с японскими марксистами, но и они считали, что в Советском Союзе извратили идеи социализма; даже коммунистическая партия Японии осуждала советский режим. Успехи Левченко награждались повышениями; однако, вскоре выяснилось, что Пронников считает его опасным конкурентом. Это привело к тому, что многие предложения Левченко стали отклоняться Москвой. В результате он пришел к убеждению, что люди типа Пронникова доминируют в советских учреждениях, что именно они определяют политику и что у

них полностью отсутствует понятие о добре и зле. Неприятности по работе привели к осложнениям в семейной жизни. К этому времени его жена Наталия работала в советском консульстве в Токио. Как и во многих советских семьях, Левченко не мог полностью довериться своей жене и избегал разговоров на политические темы.

Когда Левченко получил отпуск, он поехал в дом отдыха около Москвы, тогда как его жена с сыном проводили отпуск у матери Наталии. В доме отдыха Левченко подружился с одним фотографом, который рассказал ему много интересного. Например, он сообщил Левченко, что фотографам грозят большие неприятности, если снимки членов Политбюро плохо ретушированы. Не только Брежнев, но и остальные члены были такие старые и болезненные, что выглядели скорее мертвецами, чем живыми людьми. Если бы какой-нибудь снимок появился без ретушировки, у читателя создалось бы впечатление, что снимок изображает снаторий дряхлых старцев. Другие отдыхающие жаловались на перебои в снабжении продуктами питания и прочим. Особенно туго приходилось пенсионерам, которые старались задержаться в доме отдыха как можно дольше.

Фотограф так же поделился своими мыслями о постройках для Олимпиады. Оказывается, правительство сняло рабочих и машины с других объектов; в результате строительство в Москве прекратилось. При этом руководители так нагнали себе руки на этом предприятии, что выстроили собственные дома, в то время, как несчастные жители терпели множество неприятностей от этой пропагандной затеи. В постройке принимали также участие спешно привезенные заключенные из лагерей. Фотограф обучил Левченко как надо читать советские газеты. Если писалось об увеличении добычи угля и критиковались только некоторые копи — значит, что в ближайшем времени будет нехватка угля. Если прославляли учеников и студентов, поможавших при уборке урожая, это означало, что угрожает голод из-за поломки сельскохозяйственных машин. Статьи о нехватке каких-нибудь продуктов за границей, особенно в Соединенных Штатах, были не только враньем, но и предупреждением, что их нельзя будет получить в Союзе.

Левченко вернулся на родину для отдыха, но все больше и больше разочаровывался в положении дома. Раньше он думал, что советская власть борется с внешними врагами, в особенности с Америкой, Японией, Китаем; теперь же он пришел к убеждению, что власть считала своим самым страшным врагом именно русский народ. В конце своего отпуска Левченко опять пошел в церковь в Москве, на этот раз совсем открыто: если Богу угодно наказать его за прошлые грехи и его теперешнюю деятельность, то он это вполне заслужил. Молитва в храме привела его к решению: улетаю из Москвы, он понял, что видит город в последний раз. Это был бунт, духовный бунт: он прекрасно понимал, что материально он устроен блестяще, что его ожидает прекрасная карьера в будущем (неприятности с Пронниковым можно было избежать переводом в Соединенные Штаты или

ют помеху мышлению людей, занятых наукой. Происходит отрыв мышления от своего естественного субстрата — родного разговорного языка. Это порождает систему плоских штампов вместо системы понятий. Вместо животного удивление перед неизвестным явлением — набор готовых ответов из готовых терминов. А ведь устойчивые обороты разговорной речи точно отражают явления. Почему бы не использовать их максимально широко и в языке науки? Разве специальные термины, особенно чуждые родному языку, точнее? Ведь, как правило, для этих терминов нужно давать определения, а, как известно, для сложных понятий нельзя давать корректных определений так, чтобы посредством таких понятий можно было создать замкнутую, логически непротиворечивую систему. В математике это было строго доказано Геделем еще в первой четверти нашего века. Явления мира, особенно связанные с человеком и его психикой, многомерны. Понятия, их отражающие, так же должны быть многомерны. Этому требуются устойчивые обороты разговорной речи — эти крупяницы, искорки поэтического восприятия

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ОПЯТЬ "ЮГОСЛАВ"!

Создатели Югославии принц-регент Александр (будущий король Александр Первый Карагеоргиевич), хорват Трумбич, серб Пашич и словенец Коршец не думали, что они, согласно утверждения А. Рахманова ("Н. С." № 1720), строили нечто искусственное, ни на чем не основанное, чуть-ли не абстрактное. Все эти лица сознательно образовывали государство южных славян. Тогда же был поднят вопрос об объединении с болгарскими и из Болгарии раздавались голоса одобрения. "Союзники" этого не допустили и временно новообразованное государство назвалось Королевством СХС (сербов, хорватов и словенцев). Сам термин "Югославия" возник у хорватских вождей, у архиепископа Штросмайера и Враничани, еще в молодые годы царствования "цезаря и короля" Франца Иосифа. Эти люди не сомневались, что на юго-востоке Европы, на Балканах, проживают южные славяне. Так было лет сорок до начала Первой мировой войны. Конечно термин "югослав" не обозначает, как пишет А. Рахманов, "южный славянин", вообще народность. Но уже "югославянин" всецело однозначен южным славянам: сербам, хорватам, словенцам, боснийцам, герцеговцам, славонцам, македонцам. Молодежь этих южных славян страстные болельщики, когда "спортивная репрезентация" югославян выступает от лица Югославии на международных состязаниях. Кое кому из стариков хорватов это не по душе. То что в СССР принято говорить "югослав" вместо "югославянин" указывает на не русское происхождение этого термина, слова обесмысленного и совершенно неестественного для русского языка, который, как я раньше писал, включает в свой словарь словообразование "славянофил", "славянский", но никак

не "славофил", "славски".

Из замечания А. Рахманова о происхождении грамматической нелепицы "большевистский" следует, что эта ошибка умышленная и вызвана у большевиков их тщеславием. Нельзя же говорить и писать "большевицкий", ведь так пишется "мужицкий", "босаяцкий"... Но нам, свободным русским, никак не пристало потворствовать большевицкой гордыне. Право, что из того, "что со времени революции так пишут"? Со времени революции и города, и улицы, и площади в них наделены партийными большевицкими названиями. К примеру, "Свердловск", "Орджоникидзе", а есть названия и почтешее надписей на заборах, скомбинированные с кличкой основателя СССР.

Освобожденная Россия освободится и от этих мерзких и позорных названий. И конечно не будет писать "большевистский".

Ю. Вахтель (США)

РАСШИФРОВКА БУКВ

В № 1720 "Н. С." в статье "Коммунизм с глумливой рожей" Анатолий Бор осуждает советские сокращенные слова. Но русский народ давным-давно втайне смеется над этими языковыми чудачествами. Анти-советский фольклор давал и дает этим сокращениям свою собственную расшифровку ничего общего не имеющую с официальной. Например: ОГПУ — О, Господи, Помоги Удрать; или ВКПб — Воры, Кровопийцы, Проститутки, Бандиты; или КГБ — Коммунистическое Государство Будущего. Нередко эти народные расшифровки носят непечатный характер.

Г. Гораздов (Аргентина)

Англию). Подготавливая переход на Запад, Левченко стал составлять списки сотрудников-японцев. Их было несколько сот. Между ними — члены парламента, ответственные работники либеральных партий, крупные коммерсанты, профессора университетов, популярные комментаторы телевидения и газетные репортеры. В их числе был также вождь центра социалистической партии Катсуматы, и помощник главного редактора *Санкей*, Ямани. Левченко даже думал, что между сотрудниками находятся члены американского посольства или разведки, но это не подтвердилось.

В день побега он не спеша позавтракал, прочел японские газеты и вышел в костюме, без галстука. По дороге он завернул в советский Пресс-клуб, где поговорил с несколькими корреспондентами. Потом он долго ходил по бульварам и маленьким улицам города, наблюдая, не следят ли за ним.

Около восьми часов вечера он вошел в большую гостиницу Санно, находящуюся по близости от американского посольства. В бюро информации он сказал, что приглашен на прием в посольстве. Ему указали соответствующее помещение. Осмотрев находившихся в нем, Левченко вызвал в коридор американского морского офицера, так как он считал моряков самыми интеллигентными из американцев. Офицеру Левченко представился как корреспон-

дент *Нового Времени* и сказал, что ему необходимо увидеться с кем-нибудь из американской разведки. Его отвели в какую-то комнату и предложили подождать. Офицер сказал ему, что он находится под его покровительством, но может покинуть помещение в любое время. Пришедшего затем американца Левченко попросил предъявить удостоверение и тогда открыл ему, что он корреспондент *Нового Времени*, майор КГБ и просит политическое убежище. Американец, в свою очередь, попросил у него доказательств службы в КГБ. Так как Левченко не мог их предъявить, он спросил его, кто является начальником Третьего Бюро. Когда Левченко назвал Пронникова и обозвал его сукиным сыном, американец пожал ему руку и заверил его, что теперь он находится под охраной американской военной полиции. Левченко покинул Токио следующим рейсом, но перед отъездом японская полиция на аэродроме настаивала на извещении советского посольства. Однако, представителю американской разведки удалось снестись с японским министерством иностранных дел и Левченко благополучно отбыл.

Левченко понимал, что ему предстоит дать исчерпывающие показания, информацию о шпионской работе в Японии. Но поначалу он говорил только о Пронникове и других подобных ему руководителях КГБ и уклонялся выдавать своих японских

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭМБЛЕМЫ

Нам пишут из Парижа:

Выходящая здесь газета "Русская Мысль" поместила 28 июля 1983 года статью своей постоянной сотрудницы Киры Сапгир озаглавленную "Красное и серное", в которой, в частности, сообщается следующее:

"Чехонин, который изобрел советскую эмблему, не трудился далеко бегать за символами. Явно будущий мистиком, он в несколько измененном виде дал букву "алеф" — первую букву древнееврейского алфавита. И вышел — серп и молот".

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Нам пишут из Женевы:

Положение подсоветских военнопленных, интернированных в Швейцарии и находящихся на попечении Международного Красного Креста, продолжает вызывать серьезную тревогу.

Сделанное для прессы заявление председателя Красного Креста о том, что "Красный Крест не примет участия в насильственной репатриации в СССР военнопленных, интернированных в Швейцарии", звучит злое. "Не примет участия", но допустит?

Заверение, что по окончании срока заключения, который для первых трех военнопленных истекает 28 мая 1984 года, им будет предоставлено право свободного выбора, весьма неудовлетворительно. Зная советские методы воздействия и учитывая, что в течении всего срока заключения военнопленные не имеют контакта с внешним миром, лишены возможности обратиться за посторонней помощью или советом и находятся под неустанным контролем КГБ, очень труд-

сотрудников, которые работали по убеждению или из идеализма, а так же тех чинов КГБ, которые только исполняли даваемые им указания. Американская разведка считала такую установку несколько наивной, но не угрожала ему. Психиатры аттестовали его как индивидуалиста с высоко развитым чувством долга. Левченко отдавал себе отчет, что первые месяцы после его бегства будут очень трудными для его семьи. Однако он думал, что когда власти убедятся в том, что его жена не подозревала о его намерениях, ее оставят в покое. Но тут его ждало разочарование: на его письма не было ответа, а когда ему удалось дозвониться до жены, оказалось, что ее выгнали с работы и она живет случайным заработком. Машину и деньги в банке у нее конфисковали. Сына исключили из школы и его здоровье внушало опасения. Родные, за исключением матери, от нее отвернулись. Тогда Левченко послал предупреждение советскому посольству в Вашингтоне, в котором указал, что до сих пор он воздерживался от выдачи всего известного ему, но сделает это, если не прекратятся преследования жены и сына.

Американские учреждения дали ему возможность встретиться с Виктором Беленко, летчиком, перелетевшим на Запад на самолете МИГ. Беленко уже освоился с жизнью в Соединенных Штатах; он возил Левченко по Калифорнии и старался под-

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель М. В. Киреев
Редактирует Редакционная Коллегия
Тел. редакции 51-2685

В Сан Франциско (США)
"НАШУ СТРАНУ" можно
купить в книжном магазине

"GLOBUS"

ЗУБНОЙ ДОКТОР

АНАТОЛИЙ А. АНДРУССЕН

Принимает: Juan de Garay 2685
1 — A, Olivos (1 квартал —
Аvenida Майпу 2700).

Понедельник и среда: 15 — 19,30 ч.

Суббота: 10 — 14 ч.

Тел. 795-0759 и 792-6159

но поверить, чтобы они смогли просить права политического убежища на Западе.

Поскольку содержание военнопленных полностью должно быть оплачено советским правительством, следует предполагать, что Швейцария и Красный Крест заинтересованы в получении причитающихся им сумм. С другой стороны СССР не стал бы тратить денег на содержание "изменников родине" и проявлять о них такую заботу, если бы за этим не скрывалось намерение запугать подсоветских военнослужащих в Афганистане тем, что в случае их сдачи в плен у них отрезаны пути к спасению, а с другой стороны, стремление дискредитировать свободный мир в глазах советского населения.

Поэтому передача военнопленных из рук в руки двумя заинтересованными в сделке сторонами, без участия третьей, защищающей интересы военнопленных является вопиющим нарушением законности.

держат его. Левченко еще раз дозвонился до жены и узнал, что ее положение еще ухудшилось, она очень похудела, а сын сбежал из дому и пропал, так как не мог вынести постоянную травлю. После этого последнего разговора с женой (ее телефон отключили), Левченко решил рассказать разведке все, что он знал. Теперь он стал работать по 12 часов в день давая показания о деятельности КГБ в Японии и в других странах. Но делая свои разоблачения, Левченко старался убедить американцев, что не русский народ является их врагом, что только КГБ — враг всех. Ценная информация была сообщена не только соответствующим учреждениям Соединенных Штатов, но доведена до сведения самого президента Рейгана.

Так же как и Виктор Беленко, Левченко действовал не по личным, не по шкурным убеждениям, а по желанию помочь своей несчастной родине. Русский патриотизм, русское сознание, вера в Бога, вот что определило его образ действия. Отрадно узнать, что даже среди сугубо проверенных сотрудников такой страшной организации как КГБ, русское национальное самосознание и вера в Бога прорываются. Имя Станислава Левченко не будет забыто и впредь русскими патриотами. Да пошлет ему Господь сознание выполненного долга и мира душевного!

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР